

Не вычерпать душу до дна...

* * *

Если ты и праведен, и страстен,
Значит в жертву сам себя готовь.
Людам даст Господь свободу власти –
И они прольют чужую кровь.

За добро добром не стало платы.
Не ищи ни славы, ни наград,
Не сердись на Понтия Пилата:
Понтий – настоящий демократ.

* * *

Ключей проволоки струны,
натянутые между вышек,
поют при свете зимнем, лунном
о том, что к нам приходит свыше.

А карабины, как фаготы,
под вой пурги опасно слушать.
Колочки проволоки – ноты! –
вонзаются до боли в душу.

И ни убавить, ни прибавить
ни дня, что дал Господь, ни ночи.
Не алфавит сегодня в славе,
а звёзд немое многоточье.

И неестественно, и хрупко
всё: и бараки, и берёзки.
Застыли в белых полушубках
на мёрзлых вышках отморозки.

Не прикурить «бычок» без спичек –
карманы вытрясла охрана.
А мир – возвышен и трагичен,
как будто музыка органа.

* * *

Листопад планирует во рвы,
Ветер – и надсмотрщик и погонщик.
Самородки золотой листвы
Намывает дождь в осенней роще.

На реке и в поле – пустота,
На приколе и скирда, и катер.
Отречение ветки от листа.
В октябре дождь – золотоискатель.

* * *

Сонная роща. Мороз.
Стынет в снегу бересклет.
Словно из сопел, из звёзд
В ночь вырывается свет.

Кто мы? И где колыбель
Наша? Истоки – во мгле.
Снегом укрыла метель
Наши следы на земле.

Пеплом сугробы легли
Возле кладбищенских плит.
Как с космодрома, с земли
Небо уходит в зенит.

Не разгадать до конца
Чёрного неба секрет.
Испепеляет сердца
Звёзд улетающих свет.

* * *

Подлунный мир таким, как есть,
приемлю,
Холодный тусклый свет слепит глаза.
Упало небо снежное на землю
И облепило доли и леса.

Сквозняк из-за порога студит спину.
Бессонница. Не греет лёгкий плед.
На улице безлюдно и пустынно,
Сквозь стёкла окон льётся лунный свет.

И снег, и свет посеребрил ступени
Крыльца. У клёна крона набекрень.
Дрожат на стенах призрачные тени –
Я незаметно превращаюсь в тень.

Луна блестит сквозь тучу, как лампада.
И на земле – снег, и на небе – снег.
И кажется, что после снегопада
Я не земной, а лунный человек.

* * *

Рассвет. Предзимье. Тяжесть сна.
Безмолвие в беседках.
Блестит холодная луна.
Листва звенит на ветках.

Дымы из труб летят в зенит –
Жди стужу по приметам.
И даже слышно, как звенит
Бубенчиком планета.

* * *

Терпкий осадок прощальных историй.
Парковый шум облетающих крон.
Осень штормит, словно жёлтое море,
Чёрною пеной качая ворон.

Горько время распада и тлена.
Тянется день, словно выжженный век.
В небе рассеется чёрная пена –
Ангелом белым опустится снег.

* * *

Где ты, Русь моя ржаная? Где овсяная?
На репейном сквозняке – баба пьяная.

А мужик её давно спит на кладбище.
Ни коровы, ни овцы нет на пастбище.

И трава вокруг избы-ой! – не кошена
Позабыто всё вокруг. Позаброшено!

Где ты, Русь моя льняная?
Где гречишная?
Раскричались иноземцы, что ты лишняя.

Стал доверчивый народ сиротинушкой,
Но зовёт меня сынком и кровинушкой.

Всё растащено вокруг да распродано.
Где ты, родина моя? Здесь ты, Родина!

Павшим в бою

Как тень, отбрасываем плоть,
Но души сберегли.
Эвакуирует Господь
На небеса с земли.

В траве кузнечики звенят.
И жизнь, и смерть – к лицу.
В лучах небесного огня
Легко лететь к Творцу.

* * *

Приближается рыжий
вечер – краткий визит.
Месяц сломанной лыжей
по сугробам скользит.

Убегает за речку,
за пригорки, за лес...
Там, закутавшись в вечность,
день короткий исчез.

Он унёс наше детство
прочь по снежной меже.
Но остались в наследство
свет и радость в душе.

* * *

Летят снежинки с тёмной высоты
В застывшие леса сквозь белый воздух.
Чернеют, словно зимние цветы,
Среди густых ветвей вороньи гнёзда.

Зачем грустишь в своей квартире ты,
Когда покрылись окна снежной дрожью.
Зимой заметней чёрные цветы,
Палящие над белым бездорожьем.

* * *

Памяти С. Есенина

Река и речь текут по-русски,
А листопад впадает в дождь.
Ах, эти тромбовые ступки
Осенних выпланных роц!

Дни помраченья и разгула...
Сгорела в водке трын-трава.
Похмельный холод сводит скулы
И заползает в рукава.

Я устаю: вокруг потери
И волчий блеск в глазах детей.
Царит над миром право зверя,
Оно преследует людей.

Трепещет выставшее сердце
Листом осины на ветру.
Мы с октябрём единовёрцы,
Но вера здесь не ко двору

* * *

Опасна вина без вина.
Но сидя в траве под забором,
Не вычерпать душу до дна
Нетрезвым мужским разговором.

Глаголам сквозь зубы не течь,
Блистая хмельной позолотцей.
Дрожит неподъёмная речь
Бадью в глубоком колодце.

Прозренья опасней вина,
Виновным оно – как засада.
Не вычерпать душу до дна...
А значит, и черпать не надо!

* * *

Февраль. Метелей нет. Мороз крепчает.
На синем небе – жёлтая луна.
Читаю книги. Согреваюсь чаем.
Не верится, что впереди – весна.

Свет предвечерний льётся через окна
В мой дом – сияют в зеркале лучи.
Трещат деревья и звенит дорога
Под окнами... Трещат дрова в печи.

Читаю книги – вслушиваюсь в речи
Далёких предков. Век впадает в век.
Мир Божий отразился в человечьем
Мирке – и засветился человек.

Луна в зените. Солнце на закате.
Синеет вечер около крыльца.
Ищу глазами в золотом окладе
Святого Духа, Сына и Отца.

* * *

Решалось всё с жару да с пылу,
Жилось, как в нелепом кино.
Подумал: «Давно ль это было?»
И понял внезапно: «Давно!»

В ладони перо, а не птица,
А в небе – луна до утра.
Не знаю, что завтра случится.
Не помню, что было вчера.

* * *

Трубили печи в каменные трубы,
А ветер в луже облако лакал.
На женскую любовь я ставил губы,
Как на лису охотничий капкан.

Любовь хитрила. Но её изнанка,
Как соль, белела на моем виске.
Мне дождик предсказал, а не цыганка
Судьбу по незатейливой руке.

Стоптав ботинки и разбив коленки,
Я понял: мир – шершав и угловат.
На мачте поднят парус, будто к стенке
Поставлен неприятельский солдат.

Куда плыву? Переплываю Лету.
Трепещет зыбь, как травы на лугу.
И словно серебристые монеты,
Бросаю годы в мёртвую реку.